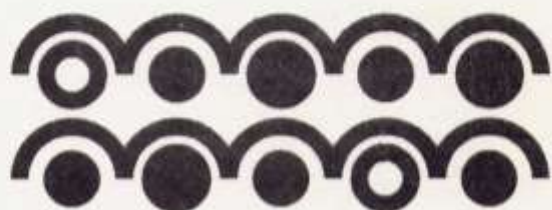

ГАЗЕТА

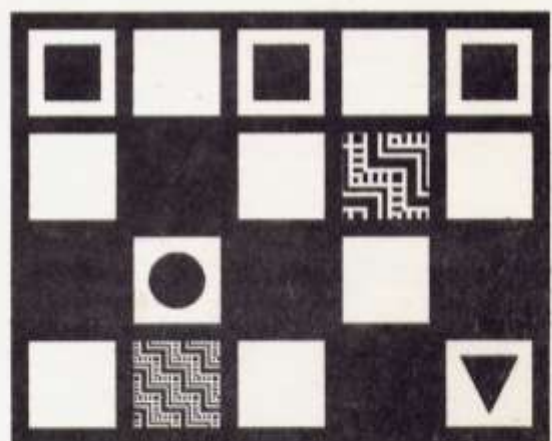
ЭЗИЯ

МЕТАГАЗЕТА
ПОЭТОВ
И
ДЛЯ ПОЭТОВ

№4
1997

МЕРА ГОМЕРА

Мера Гомера

Гекзаметр Гомера - это чередование воли морского прибой. Так считал Константин Паустовский. У Маяковского это раскаты грома в горах. От Гомера до Маяковского все те же величественные раскаты прибой-грома.

Вдруг перед гибелью Маяковский почувствовал: "Море уходит вспять, море уходит спать..." Время повернуло обратно - от грома к тишине. Кричащая, декламирующая поэзия вся на выдохе - АХ! - вдруг захлебнулась на выдохе - ХА... Пауза между выдохом и вдохом - тишина: АХ ↔ ХА. "Тишина, ты лучшее из всего, что слышал," - (Б.Пастернак). Поэзия, свернувшись в клубок кругометов Вознесенского, лепит тишину. Дарю Андрею Андреевичу порожденный им кругомет: тихотихотихоти.

Безразмерный размер, аритмичный ритм, молчащая речь по Гамлету (по Шекспиру) - "Дальнейшее - тишина". Сегодня невыносимы все, кто декламирует и кричит. Еще невыносимее разговорчивые, их тьмы.

Молчание и речь в поэзии как белые и черные клетки в шахматах. В 60-х компьютер написал первые стихи. В 90-х компьютер обыграл в шахматы чемпиона мира. Может ли Творец создать систему более совершенную, чем Он сам? спрашивал Норберт Винер творец кибернетики. И отвечал - может.

Бог создал нас более совершенными, чтобы мы могли в отличие от него влюбляться, умирать, рождаться и писать стихи. Нынешние компьютеры - графоманы, но ведь и графоманы - нынешние компьютеры. Графоманы никогда не станут поэтами. А компьютеры?.. Каспаров продул. На очереди Гомер или кто-то из нас - авторов "Газеты ПОэзия".

Он ударил в рояльный склеп
где в каждом отпечатке
каждого пальца

Памир

Джомолунгма

Тибет

Тянь-Шань

и еще какие-то горы

Гора Мизинец

Гора Указательный

Гора Безымянный

И еще теснились

нефритовые

китайские волны

чем-то напоминающие

Гомера

Вышла из мрака младая

с перстами пурпурными

Эос

Между двумя ударами

по клавишам

нет тишины

Оглушительный Олух

Царя Небесного

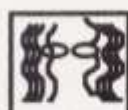
переполненный волнами

сбегающими как кудри Зевса

Зевс есть Зев

Вес и Все

Море - мера Гомера

Я доверяю только автомату
игра на равных

Конь уходит за пределы доски
и над обрывом стынувшей бездны
зависает медный всадник Петра
Следующий ход делает автомат

Падает белый король
исходя черной кровью
черный король

погибает от белокровия
Дискета ходов опустошена

Все фигуры проиграны

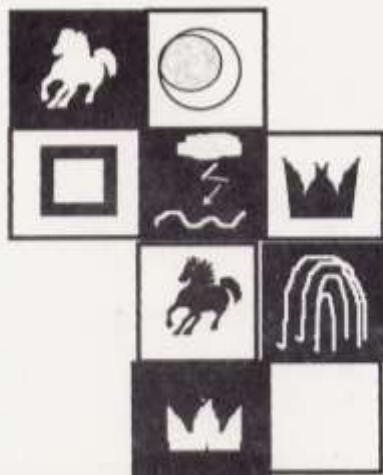
Автомат падает

исходя вариантами невыигранных ходов

Никто не играет первым

Никто не проигрывает последним

Автомат играет с автоматом

Ищу связи в XXI веке. Через новое поколение. Последняя моя вещь написана в ритме рейва. Якобы искусственное ускорение сердцебиения до 300 ударов в мин. подвергает сомнению концепцию гуманизма мира, покоящегося на человеческом сердце. Менталитет простоты, угрожающей нашей разорванной реальности и разорванность сознания дает наивные строки моей юной героине.

Из стихов Мисс Рейв

Улём

на деревьях висит тай
очки сели на ке баб
лучше вовсе бросить шко
боже отпусти на не

ель наденет платье диз
фаны видят мой наф-на
и на крыше нафтали
боже отпусти на не

не мелодия для масс
чево публику пуга
зыкина анти му-му
боже отпусти на не

тятя тятя наши се
цаца цаца на мертве

до свидания бельмон
инактриса пошла к
зонцы выбирают барбу
Нику дали шизофре
рновскую вкушают СМИ

леннона проходят в шко
господи пусти на не
ад пусти меня на зап
да хотя бы в нику
enthusiasm это kitch
телеОРТ роди
рты разинули абор

оба сели в свои вольв
мент проверил их доку
оказались безрабо

ердые безрукой Милос
в лампочках презервати
много в человеке те

политически у жо
единенье каждый раз
сколько жен/ ударов в мин
я кричу что гибнет росси

боже отпусти на не
лампа-жизнь разбилась попо
ты не оправдала меч

боже отпусти на не

METAMEDA

В будущем маячит новое понятие — “иррацию рационализма”, когда рациональный на низшей ступени компьютер является иррациональным на высшей. Мегамера, мегарация — так-то, мой друг Горацио.

Повальная мода на черные очки доказывает что каждый хочет побыть хоть немножко Гомером.

Латынь куда ближе аэду, чем кириллица.

Г, оглядывающая мир из-под ладони, не похожа на слепца. Ему больше подходит лестница в небо — Н (латынь).

HOMER этимологически означает:

“наш дом море”

HOMER HOMER HOMER HOMER

А еще точнее:

HOME R

ДОМОЙ— в вечную тьму.

Латинская **R** — это наше **P**, выставившее перед собой прозревшую палочку слепца.

Клумба

Горит комар твоей кровинкой,
летит, безумный, Краснодар.

Горит комар, скрипит калитка.

Комаргориткомаргаритка
на клумбе кружится. Кошмар!

С цветка перелетают пчелы
на мысль: "Я без тебя умру".

Твой тайный аромат мотора
меня разбудит поутру.

Авангард - Чернобыль культуры?

1 Авангард как мироощущение противопоставляет гармонии человеческого мира, его рациональным соответствиям и самодостаточной цельности. Отрицая привычный порядок мира, практик авангарда преодолевает усталость устойчивых форм в культуре через революционное действие как действие изначальное и живущее в поле многих начинаний.

2 Жест авангардиста - это его язык, каждый раз оказывающийся как бы вне истории; но при всматривании - исторически памятливым, своевременно животворящим....

Это перво-речь для грядущих гармонических стилей, чистых жанров и сольных партий; но так и остающаяся при своем начале, полнящаяся противоречиями (Крученых - Хлебников: "Взорвать" языка как нормы; возможность пере-сочинения "мира с конца" из элементарных частей) перво-речи. Много возможностей...) Перво-речь - естественное эсперанто, возникающее в результате Вавилонского столпотворения, учиненного речетворцами-интернационалистами для "улицы безъязыкой" и, одновременно, перво-материя для формотворчества культуры как "производительного существования". Из хаоса перво-речи - в гармоническое никуда... Но только как вектор, так и остающийся лишь указателем. При Начале.

3 Перво-речь, как бы широко она не представлялась, - все-таки по меньшей мере озвученная буква. И потому - перво-слово, перво-текст. Про-из-ведение per se. Это текст и что-то еще - рукотворное, текстурно-фактурное. Возможность многих разных произведений в изначальном одном. (Речь, в частности, идет о русской футуристической книге первой трети XX века). Иначе - книга-издание, книга-кунштюк, книга-артефакт. Вещающая вещь. Результат разных - противоречивых умений: текстовиков, шрифтовиков, переплетчиков, литографистов-скрипторов, фотографов, ретушеров, композиторов-макетчиков, художников, колористов и прочих. Принципиально незавершенных умений. Незавершенных... Лишь начатых в общем делании. (К уже названному прибавлю: "Кукиш прощайкам" Крученых, "Неизданный Хлебников" Крученых со товарищи...) Герой такой книги - сама книга. Точнее: книга о начале Книги. Во славу и в честь материала, из которого она сработана: бумаги, красок, текста, шрифтов, рисунков и - опять-таки - прочего... Или так: книга как способ быть (стать) книгой, свидетельствующей о своем происхождении. О Происхождении Мастера (Мастеров) этой книги. Книга как судьба самой книги - в ее незавершенной открытости для пере-листывания, пере-читывания, до-делывания... Завершения? Нет! Сызнова - к началу: со-чинению, со-слаганию, со-че(чи)танию книги как артельного дела с подчеркнутой индивидуализацией каждого в этой артели. Но при этом именно делать книгу, а не де-ять; пере-читывать - читать, а не умильно чтить... Начинать ее.

4 Но перво-речь авангардиста в его книгостроительном качестве - отнюдь не "первичный бульон" "без берегов" или броуновский хаос. Греческий тмесис как сознательно сдвинутый смысл и есть порядок, вносимый в перво-речь авангардной книги. Она, книга, - вся на сдвигах противоречесмыслов и жанровых специфик, рассе-чениях и распадах строк, слов, слогов - вплоть до литеральных, цветовых, шрифтовых перво-материй. Метанимость. Кроссвордность тмесисов. Игра анжебманов. "Сдвигология" как учение о рефлексивной остранимости сдвигосмыслов. Внешне все невпопадно, из ряда - вон. Торчком. Но... в виду часовой гармонии сдвинутых смыслов - в перспективе сложенного двойного тела, оставляющего след в "со-чиненной" книге. Но только как возможность. Много возможностей грядущих многоликостей, лишь уга-дываемых в начале. Всегда - в нем. И потому - просто так.

Авангард - чернобыль культуры?

патриарх американской поэзии, прямой наследник Уитмена, Дикинсон и Элиота, обладатель Пулитцеровской премии за книгу "Автопортрет в вогнутом зеркале", почетный член американской Академии поэтов; по мнению критики "проповедует крайний радикальный модернизм", но сам говорит о своей поэзии: "Птица, когда поет, не знает, модернист она или классик".

Из фантазии на тему

“Девушки орехового цвета”

Случается ли что-нибудь кроме этого? Холодный восход разрушает одну сторону гигантских заглавных букв, несильно встряхивает земляную массу, и она опускается, прижатая, но спящая. И вы тоже загадка у прошлого столетия, ваш вымысел смотан подобно веревке, и в этом заключается способ понимания, который завтра будет другим качественно и количественно - юная любовь, веселые, нереальные обстоятельства - и эти понятия выставлялись напоказ раньше, хотя и без красования глупостью, карабкающейся выше вместе с тобой на бобовый стебель, пока разукрашенная драгоценными камнями мозаика Гор, вспаханные поля и реки не согласились быть такими изученными, что исчезли навсегда; надрыв от смеха, чиханье от золотой пыли в призму, которая запотеваает и остается цельной.

Итак она представила историю болезни безразличному исследованию пациента. Всегда находилось на что посмотреть, что происходило тогда, ибо историческое прошлое задолжало самому себе, нашему историческому настоящему. Были важные посетители, сплетни о движимом имуществе во время кутежей, старики подкрашивались, чтобы выглядеть, как молодые женщины в многоугольнике ночи, сквозь которую порой пробивается свет, чтобы быть поглощенным опять; армии иностранцев, которые не могли понять друг друга, отвратительная тишина как раз перед разрушением мест на открытой трибуне, и неизбежный неприкрашенный и единственный гость, который пишет на стене: я выбираю неверие. Это становится частью устной истории. То, что можно подслушать в кафе, включает в себе то важное, что раньше сохранялось для писем с фронта. Прошрое было мечтой докторов и наркоманов. Это время не было неправильно проведенным. О, порой это выглядело как повторение одного и того же, покуда я не прошел вдали от всяческого смысла. Кроме того, разве все не закончилось давным давно, в один ясный утомленный полдень, когда дул сильный ветер, который, казалось, кричал: возвращайся! Ибо обнесенное рвом прошлое живет этими мечтами о внешнем приличии, которые принимают в расчет любое саркастическое замечание по их поводу. Это не то, что называется жизнью в прошлом.

Если бы только история заботилась о делах человека, но однажды мы попали под серую пелену тумана... И кто я, чтобы так говорить, в чьей шкуре? Я знаю, что вечер занят огнями, машинами.. Что кривая заключит меня в себя, если я смогу удержаться здесь. Мои теплые сердечные отношения холодны и падают обратно в вазу подобно фонтану. Ответственен перед кем? Я выбрал это окружение, и оно красиво праздничное обрамление голых веточек на фоне неба, маски под балконами, которые

Я ВОСПЕВАЮ

Я думаю, с наступлением нового тысячелетия безусловно наступит новая эра в искусстве. Что это за новая эра? Как мне кажется, - виртуальная литература, виртуальная живопись. Это когда творец создает другую реальность. Реальность! Не фантазию, не фантастику, а другую реальность.

Порошок

Пришел в больницу
Лечиться
Травма
Ума
Врач говорит
Хорошо
Дружок
И превратил его
В порошок
Ввел в порошок
Препарат
Получилось
Тесто
Тесто
Пропустил
Через агрегат
И все встало
На свое место

*Вы его видели на том берегу
Нет
Мы ничего не видели
Мы ничего не знаем
Мы ничего не желаем знать
Ава а вава
Ава а вава
Ава а вава*

Гора

Гора
Ты и Я
Гора
Мы ведь друзья
Гора
Разреши мне
С тобой объясниться
Гора
Я имею право напиться
Гора
Ты мне киваешь
Гора
Ты меня понимаешь
Гора
Теперь уходи
Пора
Гора
Я желаю тебе добра

Сорная трава

Время
Хватает нас
Самым
Бесцеремонным образом
Переворачивает
Вниз
Вверх
Вниз
Вверх
Катит по земле
Как сорную траву
Тычет
В помойные ямы
В отхожие места
На пути
Мы срываем
Запахи цветов
Поцелуй
Женщин
Затем
Падаем в пустоту
В неизвестно куда
Объясните
Где же тут
Божественное начало

МИХАИЛ ДЗЮБЕНКО

Ахитс авонсо - морднилап Палиндром - основа стиха

Стихование Нового времени, подобно другим точным дисциплинам, является результатом научной революции XVI-XVII веков, в ходе которой возобладало общее представление о пространстве и времени, как о сущностях отвлеченных, неизменных и не зависящих от происходящих в нем процессов. В основу стихосложения и стиховедения легла идея метрической схемы как явления, трансцендентного тексту. Понятие ритмических вариаций, введенное в начале нашего столетия (слабая аналогия искривленного пространственно-временного континуума в новой физике), призвано было объяснить, как текст искажает абстрактную метрическую схему. Однако есть ли в самом стихотворном тексте нечто ему имманентное - то, что делает его стихом?

Латинское слово *versus*, обозначающее стих, происходит от глагола *verto*, имеющего значение "поворачивать - вспахивать - истолковывать - превращать". Само слово *versus* означает также "борозду - ряд - линию - строку". У него есть омоним - предлог со значением "в сторону, по направлению". Связь явлений пахоты, строки и стиха в одном слове объясняется тем, что в глубокой древности (на Ближнем Востоке и в Древней Греции) строки наносились на поверхность письма в том же порядке, в каком плуг идет по полю: сначала в одну сторону, затем - в другую

Такой порядок получил название "бустрофедон" - "поворот быка". Иначе говоря, в письме и в поэзии изначально заложены оба направления. Очевидно, что это имело прежде всего не технический (в нашем смысле слова), а мифологический смысл.

Поэзия издревле считалась божественным языком. Жизнь существ, представлявшихся богами, казалась (почти) вечной. Тем более вечен Истинный, Единый Бог. Божественное время включает в себя полноту времен, соединение прошлого и будущего в едином всеохватном настоящем. В божественных текстах обнимаются оба направления: из прошлого в будущее и из будущего в прошлое.

Здесь возникает вопрос: если направление из прошлого в будущее представимое и на бытовом уровне может быть соотнесено с направлением написания и прочтения текста, то как представит себе направление противоположное и что оно может означать?

Все мировые культуры относительно так называемого "осевого времени" условно делятся на две категории: по одну сторону лежат те, для которых золотой век человечества позади; по другую сторону лежат те, которые чают наступления этого золотого века в будущем. Яркими примерами культур первого типа являются древнегреческая и древнеримская. Культуры второго типа - иудейская и христианская. Иначе говоря, культуры обоих типов различаются по тому, где они местопологают свое будущее и прошлое. Ведь слово "будущее" в действительности означает не то, что будет через некий промежуток времени, ибо как его определить, этот промежуток, и что считать будущим, а что - уже наступившим. "настоящим"? "Будущее" родственно "проБУЖДению", воскресению мертвых, Страшному Суду и обретению в конце истории полноты всех времен - такова логика русского языка, в котором заложены христианские представления. Будущее впереди, прошлое позади: вечная жизнь впереди, смерть и страдания сзади. "Прошлое" - это то, что имеет свойство проходить, что тленно, непрочно. Будущее - то, что вечно, непреходяще. Настоящее же то, что выбирает для себя человек: добро или зло, вечную жизнь или

окончательную смерть, Настоящим может быть и прошлое и будущее. Но исследования древних языков, в том числе и архаичных (дохристианских) пластов русского языка, показали, что тогда будущее мыслилось стоящим сзади, спереди же было только прошлое. Нетрудно увидеть в этом представление об утрате райской невинности, золотого века, изначально безгрешного, не-сонного, бодрого состояния, прочитав здесь чувство постепенного умирания, опускания в призрачность.

Таким образом, художественная речь (как и письмо) может иметь "прошлый" модус и соответствующее направление, может стремиться к будущему, а может, как бы глядя уже из самого будущего, объединять оба направления, снимая с первого из них "грешность", "тленность". И при смене модусов, при переходе через "осевое время" логично ждать смены направления письма. Так для ранних христиан лево-правое направление греческого и латинского письма получает переосмысление в соотношении с право-левым направлением письма иудейского: Мессия пришел, кульминационный момент истории миновал.

Живое может восстанавливаться, возрождаться. В нем есть направления энтропии и неэнтропии: мертвое мертво навсегда, оно только разлагается. Отсюда - однонаправленность античной прозы, передавшей свой характер и прозе Нового времени. Происхождение ее связано с мениппеей, с жанром загробных разговоров. Поэзия же обратима, что выражено и латинским названием стиха.

С учетом всего сказанного, палиндром - наибольшая реализация всех стиховых потенций, сильная позиция в оппозиции "стих - проза". Он актуализирует явление, совершенно не учтенное в стиховедении, - направление стиха. Взглянем внимательнее на то, как мы читаем даже классическую силлабо-тонику. При чтении так называемого "зеркального палиндрома" (в котором текст слева направо равен тексту справа налево) мы прочитываем его как бы одновременно в двух направлениях: начиная читать его с начала, мы тем

самым читаем его с конца, то есть исчерпываем текст с двух сторон. Объем, воспринимаемый нашим сознанием, равен объему всего текста, причем единицами восприятия являются не абстрактные стопы, а имманентные данному тексту единицы реверсии.

Таким образом, привычный нам "зеркальный палиндром" оказывается стихом, зарифмованным с самим собой. Причем, определить, прямая это рифма или обратная, невозможно. Все зависит от того, признаем ли мы возможность "стереопрочитания" стихотворной строки или нет. Он очевидным образом расчленяется (по вертикали) на две строки, которые как бы "слиплись" в одну, будучи записанными по системе бустофедона. Е.Кацоба в поэме "Свалка" показала палиндромное "зазеркалье" визуально. В нем обнаруживается любопытное явление: при обратном прочтении палиндрома, как правило, переразлагаются слова, составляя из тех же знаков и звуков нечто непроизносимое ("а зеркало - зола Креза : азерК алоз - олакрез а"). Так во время Страшного суда сместятся соотношения между привычными предметами, обнаружатся доселе невидимые связи и личины. С другой стороны, именно в этом явлении - корни свойственных средневековой представлений о палиндроме как о тексте сатаны.

Отсюда ясна необходимость разграничения двух типов палиндрома. Палиндром в узком смысле (который больше соответствует смыслу "бегущий обратно") - это текст, который понятен *только* при обратном прочтении. Палиндром в широком смысле - всякий стих, читающийся с обеих сторон, то есть собственно *versus*. С разных сторон, как в ленте Мебиуса, могут сходиться и перекрещиваться не только звуки, но и слова, синтаксические структуры, наконец метр и ритм. Именно это единство двух взаимонаправленных векторов и образует поэзию, стих - в противоположность однонаправленной прозе. Именно оно и делает палиндром архетипической и фундаментальной стиховой структурой.

1989-1993

Подобно некоторым современным писателям, обращающимся к словарю В. Даля, я в стихах нередко прибегаю к словам иных языков, о которых я по большей части имею самое поверхностное представление. Но ведь и Солженицын не содержит в своей великой памяти все тома словаря. Мне нужны отдельные слова и выражения, которые, как драгоценные вкрапления чужого материала, выявляют, пародируют и высвечивают среду родного языка. В общем выполняют художественную функцию. И поскольку большинство языков построено по сходному образцу, то есть имеют ввиду некий идеальный язык - единый, а поэзия стремится говорить на этом языке, то, естественно, в стихах слова разных языков сочетаются и дополняют друг друга, если этого хочет Бог, то есть его создатель.

Третий урок иврита

что ты волнуешься?

Ма зэ?

(что это?)

какое это имеет значение?

а что такое? в чем дело?

Ма йеш?

(в чем дело?)

душно

воняет здесь

сойдет

Зэ нахон?

(это правда?)

правда что ты

еще какая правда!

будь спокоен

положись на меня

отстань от меня

брось это

я все еще жду

Ауор! -

(стоп!)

неприятность

родственники скорее всего

трудно сказать

сделай одолжение

сиди спокойно не лезь

пошел к черту

привет прощайте

береги себя

зануда

Нагмар хаиньян

(кончено дело)

ниафак

(погорел)

нуадик

(зануда)

КАК БЫ

Фрагмент

Никто не спорит, самый большой наркотик - это жизнь. То есть то, что она готовит. ТО, к чему ты не готов. Сюрприз. И это она тебя, а не ты ее. Все остальное "как бы", кроме самой жизни. На семинаре в Вене меня спросили, на какую тему я бы хотела говорить. Я предложила поговорить как бы о "как бы". Моим слушателям я пыталась объяснить, что "как бы" говорят все. Все до одного в России вставляют это "как бы" совсем разные люди: учителя, ученики, шантрапа, банкиры, продавцы, покупатели и те, кто ходят в баню, они говорят: ну что, мы идем сегодня как бы в баню? Может быть, в этом русский менталитет? - сказал кто-то из слушателей. Они хорошо понимали по-русски, они читали "Мертвые души" Гоголя. А вы?

То ли человек зависит от языка, каков язык, таков и человек, каков общий язык на всех, таковы и человеки. Очень уж много сослагательного времени было в русском языке - я бы пошел; шел бы ты знаешь куда; уж я бы тогда; а ты бы пошел; пошли бы все, и все бы пошли.

Он как бы хороший человек, как бы ее любит, у них как бы семья, Как бы дети. А что у вас за работа? Он работает как бы коммерческим директором. Как бы президентом. Можно сказать, прямо царем. У вас что, монархия? И царь, и луна, и царство небесное, все у нас здесь, а вам не приходило в голову, что все это неправда. Что именно? Например, что земля круглая - вы-то сами видели, что она круглая? Я не видел, но так говорят. И что она вертится вокруг солнца, вы-то сами видели, я не видел, но так говорят. Она как бы круглая. И она как бы вертится, Она как бы,

В литературе, вообще, в названиях обозначены или тема, или герой. И в русской литературе, как самой непосредственной, то есть как самой молодой, то есть как и самой юной, - тоже или тема или герой. Евгений Онегин - герой, Герой нашего времени - тоже, Анна Каренина - герой(иня). Преступление и наказание - тема. Обломов - герой. Бедная Лиза - герой. Одиссей - герой. Красное и черное - тема. Лолита - герой. Защита Лукина - герой. Дар - тема. Понятно как бы о чем идет речь. А почему? Или от героя отталкиваются и хотят потом говорить обо всем сразу - это роман-герой, или сразу говорят на какую-то тему с помощью Героя, то есть потом, выходит про жизнь - это и есть тема, особенно в русской литературе, даже хоть "или не быть", даже "красное и черное", даже "преступление и наказание", самая великая тема, за все тысячи лет. Но роман надо очень сократить. Я не кошунствую. Я сама читала. Я, например, читала лекцию для славистов в Колумбийском университете на тему "Ученик и учитель в русской литературе", так вот слависты не могут прочитать "Анну Каренину", могут только адаптированное издание страниц так в тридцать, то есть реферат, роман-реферат, А так там слишком много длиннот.

Все сокращается, даже время: с помощью самолета можно пересечь границу быстрее, чем на поезде, быстрее, чем на лодке, быстрее, чем пешком, то есть лучше просто лежать дома на диване и никуда не ехать. Не получается, Путешествуем, Пересекаем, Истребляем. Индейцев уже истребили. И воробышков. Вот-вот только сейчас вымерли прямо на глазах.. А где новые земли, где воробышки, где индейцы? А правда, где?

Синее

Мифология и патология вреда.

Синяя борода.

Синее преступление.

Синяя казнь.

Женщина

подлежит

убиванию -

трижды прав

господин Синяя Борода.

Только иногда,

лежа в постели,

я думаю:

Зачем эти прогулки по замку?

Зачем эти связки ключей?

Смерть и так хороша.

**Замечательна смерть
молодых женщин!**

Василиск

Кислоты сливая и визг,

ловя ягуаров и крыс,

лиловый идет Василиск

Он страшной тряхнул головой.

И все испугались его -

рванули кто в чашку, кто в мис-

куда ты идешь, Василиск?

Сквозь адский костлявый

стриптиз,

сквозь дьявольский

хитрый каприз,

сквозь атомный киндер-сюрприз

лиловый идет Василиск.

За что эта страшная месть?

Не надо нас нюхать и есть!

Зачем мы на свет родились?

Зачем ты пришел, Василиск?

Но он неизбежен как смысл -

условен как игрек и икс.

Жучок в его пасти повис.

Лиловый идет Василиск.

Притворный как волосы льва,

условный как власть и слова,

когда они падают вниз,

лиловый идет Василиск.

Редакция поздравляет члена редколлегии Алину Витухновскую с присуждением ей Международной Пушкинской стипендии Гопфера и надеется на благополучную и удачную поездку поэтессы в Германию для ознакомления с немецкой культурой.

Цыганешты

I.

Тревожных предчувствий
гонцы,

зажмурив глаза, как слепцы,
пьют ночь, шевеля кадыками,
расплата плывет за холмами,
да канули в воду концы,
(обернуты мглой бубенцы,
притихли цикады ночные,
недвижимы воды речные,
тяжелые, как котельцы),
на матовых лицах рубцы,
как рифмы в балладах суровых,
рожденных под солнцем Молдовы,
где звезды крупны, как сосцы,
пестры шарабаны и шкуры,
пергаментны острые скулы,
и, пасынок вечной надежды,
я с ними спешу в Цыганешты!

II.

Августовский асфальт, за-
твердев, сохраняет следы
от подков и колес, и ступней, вне-
реди Цыганешты!

Долог путь наш - с волами,
телегами и абрикосами, локотки у
попутчиц невидимо-остры, точно-
сабельки в ножнах цветных рука-
вов, сквозь деревья синели мазанки,
всем казалось, что - море.

Пожалели тебя.

- Я еще загорю, - ты ответила.

Улыбнулась Мария, у которой
семнадцать детей.

Я спросил: умирает ли кто из
цыган своей смертью?

Конокрад мне сказал, что не
помнит, а Мария ушла, не-
простившись... А Мария ушла.

Завтра утром вернулась. Ты -
останешься

IRINA VOLCOVA ИРИНА ВОЛКОВА

SULLA SPIAGGIA

Sulla spiaggia di notte На пляже ночью
due ombre две тени
incrociano сплетаются
in una danza в пляске
appena visibili еле заметны
da lontano издали
anche noi и мы
facciamo finta мы же
di essere due ombre тени
Sulla spiaggia di notte На пляже ночью
due voci два голоса
diventano смешиваются
un sussurro в шепоте
anche noi и мы
fingiamo di parlare будто беседуем

где голубой укрылся шапоротник
и в пору рек века остановились
мы были встречей ящеры на камне

Из поэмы "Бесконечная"

ежедневно слышу тебя
как-то странно звучат слова
закрываю глаза
и всюду передо мной
эти крики рожденные тишиной
эти краски рожденные темнотой
вот сижу оставленный всеми
в глубине понятий и слов
исчезает видимый мир
но я могу говорить
и мир рождается снова

на обнаженный нерв нанизывая звуки
все глубже чувствую великий диссонанс
и радость возвышения над миром –
Поэзия – вершина бытия

и вагоны стиснутые в железном рукопожатье
и деревья и станция и тишина
и ты в тишине уходящей ночи
и все что связывает с тобой
и миллионы которые спят рабами
ничего не понимая в такой любви

ноль миров вращается в небе звезд
 это взгляд возвращается к своему истоку

листопад ягуаров
полусолнечный бред весны
выдыхание песни
из легких съеденных туберкулезом
и бессмертье будущего конца

и синий день и красная волна
зеленый луч упал на попугая
и попугай заговорил стихами
и синий день и красная волна
и я бегу бросаясь под трамваи
и синий день и красная волна

около окон пролет полета
и этот стон
среди серых стен
какой-то прохожий
шагнул в пространство
и рухнул замертво
сквозь столетья
вода текла
сквозь бетон и вечность
а дворник сметал с тротуара звезды
и в мокром асфальте ломались люди
я вышел к себе
через-навстречу-от
и ушел под
воздвигая над

ИЗ ТЬМЫ ВО ТЬМУ

Незачем мне запоминать их имена
когда мчатся пылая черными зеркалами
отвергая отражения серым серебром
облизываясь мокрой вишней
превращаясь в ящериц в сетях бульваров
фарами читая тьму

ТЬМА

ТоМА книги мрака
развернутая ТОРА дороги
где знаки - звездного СОРА шорох
речная СуРА Корана
весы СУДА - мосты
забытого СаДА ограда
где заблудилась САМА ночь -
черная дАМА
из карточного ДоМА -
всего лишь странница ТОМА
из книги **ТЬМА**

где они забывают свои имена
когда сердце
покидает стальную грудную клетку
закрывая дверцу
на ключ
В сКОРости есть COR - сердце

COR-корабль

Сердце - COR-корабль
cross-крест внутри трюма
пробоины в переборках
проливы - приливы - фьорд аорты
COR-корабль король - сердце
изнутри миром правит
плавит металлы в кратере страсти
плывет в магме
магнитом тянет железо из звезд -
корм крови
COR-корабль корвет - сердце
мерцают пульсы
пульсируют снасти
паруса-протуберанцы
в короне солнца
горят в эфире
Мы - твоё море
COR - корсар

Мне всегда хотелось, чтобы слово в стихах превращалось. Не в уме или душе читателя, а прямо на листе бумаги. Когда-то, видимо, рифма была таким ключом к превращению. Но сейчас слова "кровь - любовь", помещенные в конце соседствующих строк, не вызывают никаких зрительных ассоциаций. Я нашла свою форму трансформации текста. Везде если в начале было слово, то все остальные слова произошли от него именно так: переставляя, заменяя, раздвигая, сдвигая буквы. Так в моих стихах свинец превратился в золото, небо в море, мрак в свет, а тьма вернулась к самой себе. Латинское COR (сердце) обнаружилось в русском слове "корабль", а его анаграмма CRO - в англ. "cross" (крест) и русском "кровь". Случайных созвучий не бывает.

Третий номер "Газеты ПОэзия" открывается строкой Константина Кедрова - "одно из самых кратких и самых красивых стихотворений XX века выглядит так: $E = mc^2$ ", - и я подумал, что давно пора выполнить обещание и предложить уважаемому изданию свои стихи, выполненные в традиции визуальной поэзии.

Эти графические комплексы создавались мною с мая 1996-го по январь 1997-го и публиковались в качестве иллюстраций (или, может быть, скорее визуальных дополнений) к моей рубрике "Люди, годы, жизнь", которая выходила в этот период в "Независимой газете".

**кулик - атаки лук
(где lucki + улика = кулак)**

Главной целью такого рода иллюстрирования было не создание шедевров визуальной поэзии, а социальная знаковость: обозначение своей деланки, дополнительное утверждение "авторскости" рубрики, работа на имидж, "использование" солидных масс-медиа не только для получения денег и публикации текстов, но и во все остальные щели.

Однако необходимость сочинять каждую неделю по "стихотворению" естественно обернулась широкими творческими перспективами. Мне удалось аволю поэкспериментиро-

вать и с воспетым К.Кедровым жанром формулы, и с сочетанием символических элементов с буквенными и числовыми, и со способом подавать цитаты, и с разными фигурами общественного сознания, и с тропами типа палиндром и каламбур, и со шрифтами.

**+ + + = >>>>>>,
где птицы и кресты вызывают
противоречивые чувства**

В одном из выпусков рубрики "Люди, годы, жизнь" (от 21.08.96) мне довелось подробно высказаться о феномене визуальной поэзии. В частности, дистанцироваться от магически-высокого или символически-глубокого отношения к буквам, цифрам и знакам, нанесенным на бумагу (здесь мои взгляды противоречат взглядам редакции "Газеты ПОэзия", для которой ее деятельность полна серьезных эзотерических смыслов). Мой подход проще. Графическая литература - это прежде всего визуальный аттракцион, кунштюк, шутка, фокус. легкое и необременительное развлечение для праздной публики (в данном случае - именно для "читателей газет" в известной цветаевской рецепции). Мне кажется, установки автора и уровень исполнения вполне совпали с контекстом бытования этих текстов, а потому я отныне буду с удовольствием предлагать их публике в качестве маленького литературного памятника.

**ПУШКИН А.
1899(бев) - 1937(не бев)**

**Вячеслав Курицын
"Люди, годы, жизнь" - VISUAL**

"Газета ПОэзия" № 4, 1997.

Учредитель группа ДООС (Добровольное Общество Охраны Стрекоз) при участии Всемирной Ассоциации писателей (Русский Пен-клуб).

Председатель редакционного совета доктор философских наук, обозреватель газеты "Известия" Константин Кедров.

Редакционный совет: профессор В.Вестстейн (Нидерланды), А.Витухновская, Е.Кашоба, профессор Т.Латауэрс (Нидерланды), В.Нарбикова, профессор кафедры Философской антропологии МГУ В.Рабинович, Г.Сапгир, генеральный секретарь Русского Пен-клуба А.Ткаченко, И.Холин.

Логотип и графика на с.1: Михаил Молочников.

Макет и оформление: Елена Кашоба.

Издатель Елена Соловьева.

Тираж 999 экз.

Подписной индекс 41457 (Объединенный каталог Департамента почтовой связи Российской Федерации). Подписаться можно в любом почтовом отделении.